

К вопросу о понятии *русь* в древнейшем летописании

**Пётр Сергеевич
Стефанович**

Научно-исследовательский
университет – Высшая школа
экономики
Институт российской истории РАН
Москва, Россия

On the Problem of the Name *rus'* in the Earliest Rus'ian Chronicles

Petr S. Stefanovich

National Research University Higher
School of Economics
Institute of Russian History of the Russian
Academy of Sciences
Moscow, Russia

Резюме

В статье исследуется, какую идентичность понимали или конструировали под названием *русь* создатели древнейших летописных текстов. Автор выявляет эти тексты, опираясь на идеи А. А. Шахматова и его текстологическую схему развития древнерусского летописания с середины XI в. до создания «Повести временных лет» в 1110-х гг. В так называемом «Начальном своде», который, согласно Шахматову, был создан в Киево-Печерском монастыре около 1093–1095 гг., автор видит стремление расширить идентичность руси. Создатели этого свода понимали под русью христианский народ и, ориентируясь на образцы византийских хроник, приписывали ему определённое место в мировой истории, представленной в эсхатологическом ключе. Иначе мыслилась русь в древнем «пласте» летописания, которое можно возводить

Цитирование: Стефанович П. С. К вопросу о понятии *русь* в древнейшем летописании // *Slověne*. 2018. Vol. 7, № 2. С. 356–382.

Citation: Stefanovich P. S. (2018) On the Problem of the Name *rus'* in the Earliest Rus'ian Chronicles. *Slověne*, Vol. 7, № 2, p. 356–382.

DOI: 10.31168/2305-6754.2018.7.2.14

примерно к середине XI в. Автор этих текстов пытался, напротив, обособить русь как особую политическую и культурную общность по отношению к соседним народам, прославляя, главным образом, её военные успехи и не акцентируя религиозные вопросы. Автор статьи заключает, что интеллектуалы Киевской Руси могли предлагать весьма различные «стратегии идентификации» и «этнические проекты».

Ключевые слова

средневековая русь, идентичность, этничность, древнерусское летописание

Abstract

In the article the author studies the identity that was referred to by the name *rus'* in the earliest chronicles of Kievan Rus'. The analysis is based on the ideas and reconstructions of Alexei A. Shakhmatov, who proved that the famous Tale of Bygone Years (1100s) had included some earlier chronicle or annalistic texts composed in the 11th century. According to Shakhmatov, the Tale originated from the so-called "Initial Composition" written in Kiev in the 1090s. The author shows that the writer or writers of the "Composition" placed Rus' in the world history according to the eschatological schemes of Byzantine chronicles. They understood Rus' as a Christian people and as a powerful state, and tried to "expand" its identity over local communities. The earlier texts, which can be dated back to the mid-11th century, considered Rus' in a different way: their authors' efforts were to specify its identity in relation to other ethnic or political groups, stressing its military victories and ignoring religious boundaries. The author of the article concludes that the intellectuals of Kievan Rus' were able to propose a variety of distinct "strategies of identification" and "ethnic projects".

Keywords

medieval Rus', identity, ethnicity, Old Russian annals and chronicles

В научной и околонушной литературе много писали о происхождении и смысле слова *русь*, ставшего важнейшим обозначением этнической (этнополитической, этнорелигиозной) принадлежности / идентичности для населения Восточной Европы в X–XII вв. Главным, а во многих работах и практически единственным, источником для выводов по этому поводу служила «Повесть временных лет» (далее — ПВЛ) — летописный свод, составленный в Киеве в 1110-е гг. и дошедший до нас в сравнительно цельном виде, хотя в разных редакциях. Между тем, текстологические исследования древнерусского летописания показали, что этому своду предшествовали произведения летописного жанра, создание которых следует относить по крайней мере к середине — второй половине XI в. или даже более раннему времени.

Однако тексты, которые восходят к этим более ранним «пластам» летописания, редко исследовались сами по себе (вне перспективы,

заданной *ПВЛ*) как источник по истории общественного, в том числе этнического, самосознания. Классическая работа по истории «Русской земли» А. Н. Насонова [Насонов 1951], который — один из немногих историков в XX в. — сочетал текстологический и исторический подходы и учитывал эти тексты, построена как историко-географическое исследование. Эта книга Насонова до сих пор задаёт «вопросник» для работ по этой теме, представляющих собой в основном территориально-географические исследования, причём уже скорее ориентированных на археологические источники, чем на летописную текстологию. Взгляды, концепции и представления летописцев «до *ПВЛ*», относящиеся к тому, что обозначается в современной науке как «стратегии идентификации» и «сценарии идентичности»¹, остаются, как правило, вне поля зрения современных учёных.

Схема древнейшего летописания была разработана и обоснована в фундаментальных трудах А. А. Шахматова. Важнейший этап летописания, предшествовавший *ПВЛ*, Шахматов выделил главным образом в результате сравнения списков *ПВЛ* (в Лаврентьевской (далее — *Лавр*), Ипатьевской и других летописях) с Новгородской I летописью младшего извода (далее — *Н1м*), которая, как он показал, донесла до нас, хотя и частично, свод, составленный в середине 1090-х гг. Этот свод он условно назвал «Начальным» (далее — *НС*) [Шахматов 1947/2003]. К *НС* можно возвести первые статьи в *Н1м* до рассказа об убийстве Бориса и Глеба в статье 1015 г., а затем фрагмент в статьях с середины 1050-х до обрыва текста в статье 6582 (1074) г. Списки *ПВЛ* на летописном отрезке с «Повести об убиении Бориса и Глеба» до конца статьи 6601 (1093) г. тоже содержат текст, который восходит к *НС*, но выделять его труднее в отсутствие «параллельного» текста в *Н1м* (за исключением указанного фрагмента).

С большей степенью гипотетичности выявляются этапы летописания более ранние, чем *НС*. Здесь Шахматов и следовавшие ему исследователи вынуждены были предпринимать реконструкции, опираясь, в основном, на те или иные текстуальные перебои и «швы» в списках *ПВЛ* и *Н1м* и только в незначительной мере на «параллельные» тексты — прежде всего в летописях группы так называемого «Новгородско-Софийского свода» (Новгородская Карамзинская, Софийская I, Новгородская IV, далее — *НСГ*), сохранивших фрагменты древнейшего летописания. Тем не менее сам факт, что это древнейшее летописание велось, не вызывает сомнения, и в ряде случаев тексты, к нему относящиеся,

¹ О проблематике современных исследований этнической, этнополитической и этноконфессиональной истории Средних веков см.: [Стефанович 2018], где указана соответствующая библиография.

выделяются сравнительно уверенно. И этот вывод, и важнейшую идею о *НС* подтверждают современные исследования, опирающиеся уже и на более глубокую разработку летописной текстологии, и на другие методы, в том числе лингвистические².

Разумеется, в текстологических разысканиях и реконструкциях так или иначе обнаруживается, что разным «этапам», «пластам» и «слоям» древнейшего летописания были присущи разные идеи и представления, с помощью или сквозь призму которых книжники осмыслили историю собственной страны. Но всё-таки даже в тех случаях, когда учёные твёрдо признавали летописание «до *ПВЛ*» как факт текстологический, они мало анализировали его как явление истории литературы и общественной мысли. С этой точки зрения лишь мельком затрагивались понятия руси и Русской земли — понятия, которые, очевидно, должны были быть одними из центральных для выражения современной летописцам идентичности. Как показывается в данной статье, в основание которой положена шахматовская схема летописания и современные научные представления о «Начальной летописи», эти понятия выступают с разным содержанием в текстовом слое, соответствующем *НС*, и в слоях более ранних.

* * *

Составитель *ПВЛ* создал сложную и не вполне последовательную конструкцию этнополитических отношений Восточной Европы его эпохи, поставив в их центр народ *русь*. Эта конструкция представлена в основном в начальной части свода (прежде всего в так называемом «Введении», специально посвящённом происхождению народов), где были соединены предшествующее летописание и дополнительные источники — такие разные, как устные предания, византийские хроники и, например, «Сказание о предложении книг на словенский язык».

Не без трудностей и противоречий — очевидно, во многом вследствие компилятивного характера работы — составитель *ПВЛ* выстраивает несколько уровней общностей — от «родовой» или «племенной» до конфессиональной — и находит для руси некое срединное положение [Толстой 1993/2000; Живов 1998/2002]. Русью он обозначает народ и государство, занимающие определённую территорию на Восточноевропейской равнине и подвластные Рюриковичам. Русь оказывается частью современных летописцу более широких историко-культурного и религиозного пространств — «словенского языка» и христианского мира. Славянские, в том числе восточнославянские, догосударственные общности (для которых летописец не предлагает какого-либо обобщающего

² См., прежде всего, работы А. А. Гиппиуса [2001, 2010, 2012, Gippius 2014] и др.

термина, а современные учёные используют понятие «племена») рассматриваются как отжившее прошлое.

В тех текстах, которые следует возводить к *НС*, нет ни самой этой многоуровневой конструкции, ни следов этногенетических поисков, представленных в *ПВЛ*. В то же время каких-то кардинальных отличий в понимании руси составителем *НС* на первый взгляд не заметно. «Прямой» географический и этнополитический смысл обозначений *русь* и *Русская земля* в части *Н1м*, которая возводится к *НС*, соответствует, в целом, тому словоупотреблению, которое фиксируется в *ПВЛ* (ср.: [Ведюшкина 1995]). *Русь* выступает в основном как этноним и политоним, но иногда и как хороним. *Русская земля* — в основном как хороним, но в ряде случаев и как политоним³. Как и в *ПВЛ*, в территориальном смысле *русь* и *Русская земля* указывают на всё пространство, подчинённое князьям руси или населённое русью. Нет однозначных случаев, когда они указывали бы на более узкое и ограниченное пространство. В летописании XII в. «Русская земля» иногда обозначает только относительно компактную территорию в среднем Поднепровье, и учёные говорят о «Русской земле в узком смысле слова». В *ПВЛ* лишь одно известие — о разделении Русской земли между Ярославом и Мстиславом «по Днѣпръ» (6534 (1026) г.) [ПСРЛ 1: 149] — можно истолковать в таком смысле [Кучкин 1995: 80]. Вероятно, это известие уже читалось в *НС*, хотя в этой части нет параллельного текста в *Н1м*, который позволил бы провести показательное текстологическое сравнение.

Конечно, составители *НС* и *ПВЛ* исходили из одной первоначальной интенции — рассказать историю Руси, но концептуально смысл этой истории они представляли себе, видимо, несколько по-разному. Знаменитое заглавие *ПВЛ* делает акцент на *происхождении* Руси и правящей в ней династии: «откуда есть пошла Руская зем[л]я, кто в Киевѣ нача первѣе княжити и откуда Руская земля стала есть» [ПСРЛ 1: 1–2]. Иначе выглядит заглавие *НС*, которым начинался текст, известный в науке как «Предисловие к *НС*». В датировке этого текста были сомнения, но недавняя работа А. А. Гиппиуса [2010] подтвердила мнение А. А. Шахматова, что он восходит к *НС*. В реконструкции «Предисловия», сделанной Гиппиусом, заглавие читается следующим образом: «Времяникъ, еже нарицаеть ся лѣтописание русьскихъ кнѣзь и земля Русьскыя; и како избѣра Богъ страну нашу на послѣднее время, и гради почаша бывати по мѣстомъ, и о статьи Кыева, како вѣименова ся Киевѣ» [НПЛ 1950/2000: 103–104; Гиппиус 2010: 164–166].

³ Упоминания обоих обозначений см. в «Указателе географических названий и этнонимов», составленном Т. В. Гимоном в переиздании Новгородской первой летописи в 2000 г. [НПЛ 1950/2000: 673].

В этих словах речь тоже идёт о «статии», то есть возникновении (хотя с акцентом на возникновении городов), и тоже о князьях (хотя без упора на то, кто «первее» стал князем), и эта тематика подчёркивается далее в «Предисловии», когда автор ещё раз напоминает, что он пишет «о началѣ Русьскыя земля и о кнѣзихъ, како отъкуду быша». Но на первое место автор ставит другую мысль: он утверждает особую миссию Русской земли. История Руси показывает, по его мнению, «како избра Богъ страну нашу на послѣднее время».

Возможно, некое представление о божественной предопределённости земной (и даже, как предполагают некоторые историки, именно русской) истории заложено и в труднопереводимом выражении «временных лет», которое входит в название *ПВЛ* [Гиппиус 1993/2000; Данилевский 2004: 235–240]. Но даже если так, это был не более чем, так сказать, намёк для посвящённых. В «Введении» *ПВЛ* ничего не говорится о предопределённости вообще и о месте руси в предопределённой истории. Иначе в «Предисловии к *НС*» — здесь идея богоизбранности Русской земли ввиду наступающего «последнего времени» выражена ясно и безоговорочно. Фраза из заглавия далее ещё поясняется с уточнением уже обозначенной эсхатологической перспективы. Отмечая как важнейший момент истории Русской земли её расставание с язычеством и принятие христианства, автор видит в этом «промысль Божию»: она вошла в число государств, избранных Богом для существования вплоть до Страшного Суда.

К этой главной мысли в «Предисловии» примыкают и другие идеи, развивавшиеся именно составителем *НС* и не артикулированные позднее в *ПВЛ*. Так, особое внимание он обращает на возникновение города Киева и его названия, но при этом не просто отстаивает ходячую эпонимическую легенду, а пытается «вписать» этот факт во всемирную историю. Утверждая, что Киев стал называться от имени его основателя Кия, летописец указывает на аналогичные прозвания, известные в истории. По тому же принципу получили названия великие столицы — Рим, Антиохия, Селевкия и Александрия (соответственно от Ромула, Антиоха и т. д.). Тем самым — пусть не прямо, а косвенно — Русская земля ставится в один ряд с империями прошлого. Имея в виду богоизбранность «нашей страны», такое сравнение уже кажется не случайным, а отражающим определённый взгляд на её место во всемирной истории: просвещённая «правоверием» Русская земля избрана «промыслом Божиим» в «последние времена» и призвана стать новой христианской империей. А. А. Гиппиус [2006: 83] удачно охарактеризовал этот взгляд как «имперско-эсхатологическую перспективу», хотя он имел в виду не идеологическую программу «Предисловия» как таковую,

а ориентацию составителя *НС* на нарративные модели византийской хронографии.

Кроме того, специальное поучение внутри «Предисловия» посвящено обличению современных автору пороков, распространившихся среди руси (прежде всего в придворных кругах), и обращению к образцам правильного, с его точки зрения, поведения в прошлом: «како быша древнии князи и мужи ихъ, и како отъбараху Русьскыя земля, и ины страны приимаху подъ ся» [НПЛ 1950/2000: 104; Гиппиус 2010: 165]. В этой «социальной критике», идеализирующей прошлое [ср.: Флоря 1991: 50–53], Русская земля противопоставляется «иным странам». Но особое внимание обращается на противостояние с «погаными» (язычниками), нападение которых на русь автор осмысляет в связи с той же идеей об особом отношении Бога к «нашей стране»: это Бог «навел на ны поганыя» за «наше несытьство», и это Божья кара выразилась в атаках язычников за «наши» пороки.

А. А. Шахматов отмечал, что идея богоизбранности Русской земли и трактовка нападений язычников как Божьей кары, а также «социальная критика» находят соответствие в обширной статье *ПВЛ* за 6601 (1093) г., где рассказывается о смерти киевского князя Всеволода и последовавших за ней нападениях половцев на русь [Шахматов 1909/2003: 400; Idem 1947/2003: 462–463]. Для него это соответствие было важным аргументом для того, чтобы считать статью 6601 г. заключительной или одной из заключительных при составлении *НС*. В другой работе я пытался показать, что в рассказе о половецком нападении в 1093 г. прослеживается и «имперское» понимание Русской земли: летописец расширительно понимал этноним *русь*, допуская распространение его на другие народы, принявшие христианство и признавшие власть Рюриковичей [Стефанович 2018]. Понятое в таком ключе имя *русь* не было чисто этнической идентичностью, а скорее этнополитической и этноконфессиональной. В этом понимании *руси* и *Русской земли* можно видеть характерную черту «дискурса этничности», который развивает составитель *НС*.

Проявления этого дискурса можно обнаружить и в других текстах «Начальной летописи». В рамках «имперско-эсхатологической перспективы», обозначенной в «Предисловии», хорошо объясняется та правка в первых годовых статьях в *Н1м*, следующих сразу за «Предисловием», которую, следуя соображениям А. А. Шахматова и А. А. Гиппиуса, надо приписать руке составителя *НС*. Правка состояла и в структурировании прежде не разбитого на года и тематические разделы летописного текста, и в некоторых текстуальных интерполяциях [Гиппиус 2006: 78–81]. В данном случае важно отметить две вставки в первой годовой статье 6362 (854) г.

Во-первых, в *НС* был существенно изменён известный эпизод с «хазарской данью» полян [НПЛ 1950/2000: 105–106]. Как убедительно показал А. А. Гиппиус [2011: 50–54], в первоначальном виде этот текст имел в виду, что поляне, представив хазарам мечи вместо дани, сохранили свою независимость, а хазары поняли, что поляне будут «и на нас имати дань, и на иных странахъ». Составитель *НС* то ли не понял, то ли не согласился с утверждением, что поляне успешно сопротивлялись натиску хазар, и переосмыслил их отношения, вставив в текст библейскую параллель: хазары были уподоблены египтянам, а поляне — евреям. Получилось, что, как евреи были подчинены египтянам, а потом «смиршили власть египетскую», так и поляне подчинились хазарам, а потом — уже при «князьях русских» — стали хазарами «владеть». Помимо этого, сравнения полян (которые, как подразумевается, превратились позднее в русь) с богоизбранным Израилем в *НС* был дан специальный комментарий к словам о будущем владычестве руси: оказывается, это предсказание было произнесено «не от своея воли», а «от божиа повелѣнїа». Очевидно, в будущем владычестве «русских князей» над «иными странами» составитель *НС* видел провиденциальный смысл (тот самый «промысл Божии»).

Во-вторых, составитель *НС*, имея доступ к греческим хронографическим произведениям (предположительно некоему «Хронографу по великому изложению»), заимствовал из них известие о нападении руси на Константинополь (состоявшемся в действительности в 860 г.) и вставил его в древний летописный текст, который редактировал [Шахматов 1908/2002: 83–84]. В этом известии русь оценивается с греческой точки зрения как варварская и дикая, чинящая «много зло и убиство велико крестияномъ». Такое же отношение к руси и в известии о другом походе руси на греков 940 г., попавшем в статью 6428 г. [НПЛ 1950/2000: 105, 107]. Составитель *НС* передал в обоих случаях текст греческой хроники без изменений, никак не изменив его враждебные и отрицательные оценки, — очевидно, летописец видел главный момент истории Руси в её Крещении, а к «поганой» руси, вредящей христианам, сочувствия не испытывал.

Следы и отзвуки «имперско-эсхатологического» или «христианско-универсалистского» подхода составителя *НС* к истории Руси проглядывают не только в начальных статьях. Так, в эсхатологические тона окрашены резко отрицательные упоминания «поганых» половцев и торков в летописных статьях с 1060-х гг., когда, собственно, эти народы впервые и появляются на страницах летописи. Наибольшей концентрации пророческие эскапады и историко-провиденциальные разыскания летописца достигают в статье 1093 г. и нескольких следующих за ней статьях, которые, как говорилось выше, явно относятся к творчеству

составителя *НС* или его непосредственных продолжателей, трудившихся в Киево-Печерском монастыре [Гиппиус 2015]. В рассказ о событиях 1068–1069 гг. вставлено, вероятно, именно составителем *НС* [Добровольский 2011] поучение о «казнях Божиих», где «наведение поганых» объясняется как следствие Божьего гнева на народ, уклонившийся от истинной веры, подобно Израилю, забывшему свой Завет.

Звучит тема богоизбранности в части повествования о приобщении руси к христианству. В некоторых сообщениях этой части легко заметить негативные или скептические высказывания по поводу языческого прошлого руси. Например, в рассказе о крещении княгини Ольги приводится «провиденциальное» предсказание патриарха Константинопольского, обращённое к ней: «Благословити тя имуть сынове рустьѣи в послѣдн[ии] род [...] внуць твоих». А далее в этом же рассказе просвещённой княгине противопоставляются её «люди поганые» и «сын поганый» (Святослав), для которых «вѣра крестияньска уродьство есть» [НПЛ 1950/2000: 114–116]. Отрезок летописного нарратива, посвящённый Ольге, явно неоднороден, отражая работу нескольких редакторов, в том числе, видимо, именно составителя *НС* [ср., напр.: Мюллер 1988/2000]. В рассказе о Крещении Руси, также текстологически сложного состава, «русские сыны», обратившиеся в истинную веру, характеризуются как «избрании богомъ» [НПЛ 1950/2000].

Не ставя задачу выявления всех «идейно насыщенных» летописных известий и фрагментов, отразивших взгляды составителя *НС*, в данном случае я хотел бы показать, что внутри текста, который, как можно более или менее уверенно предполагать, входил в этот свод, обнаруживаются места с иным пониманием идентичности руси и её места в окружающем мире. Особенно это видно в части повествования до Крещения, где речь идёт о языческом периоде её истории. Опираясь на *Н1м*, я прослежу цепь упоминаний руси и Русской земли, явно не соответствующих «имперско-эсхатологической перспективе» *НС*. При этом обращают на себя внимание прежде всего те места, где проявляется положительное отношение к языческой руси и где она сопоставляется с другими этническими или этнополитическими общностями. Такое со- или противопоставление может быть не всегда прямым; надо учитывать и косвенные указания, исходя из контекста.

* * *

После «Предисловия к *НС*» в *Н1м* следует обширная статья 6362 (854) г., где помещены рассказы об основании Киева, о «хазарской дани», вставка из Хронографа о нападении руси на Царьград в 860 г. и др. В этой же статье содержится так называемое «Сказание о призвании варягов», где

говорится собственно о происхождении руси. «Сказание» стало своего рода «архетипическим» текстом для исторической памяти средневековой руси, и понятно, что у древних книжников оно вызывало не меньший интерес, чем у современных учёных. С этим связана и его сложная текстологическая история. В другой работе я старался показать, что, с одной стороны, в этом месте в *НМ* можно видеть практически прямое отражение *НС*, а с другой — что оригинальный рассказ (скорректированный в *НС*) восходил к более древним летописным «слоям». Этот первоначальный рассказ связывал эпизод «призвания варягов» во главе с Рюриком в Новгород и эпизод утверждения Игоря, сына Рюрика, в Киеве в одно цельное повествование, во многом похожее на рассказы о происхождении тех или иных народов в европейской средневековой историографии (жанра *origo gentis*) [Стефанович 2012].

В данном случае я хотел бы выделить здесь только главную мысль рассказа *Origo gentis russorum*, которая была заложена в его первоначальной версии и сохранилась в переработке, представленной в *НМ* и соответствующей, как я полагаю, *НС*. Мысль эта состояла в том, что варяги, обитавшие «за морем», и местные славянские народности («племена») являлись отдельными от руси общностями, но в то же время русь появилась, так сказать, из слияния (симбиоза) первых и вторых. Эпизод «призвания» Рюрика с братьями заканчивается утверждением, что пришедшие варяги дали имя руси: «и от тѣх варягъ, находникъ техъ, прозвашася русь, и от тех словет Руская земля». Эпизод, описывающий захват Киева Игорем, завершается фразой: «и съде Игорьъ, княжа, в Кыевѣ, и бѣша у него варязи мужи словенѣ, и оттолѣ прочии прозвашася русью» [НПЛ 1950/2000: 106–107].

Итоговый вывод второго эпизода (и тем самым всего рассказа *Origo gentis russorum*) заключался в утверждении, что русь обосновалась в Киеве, дав имя разным людям, происходившим из варяг, словен и «прочих» народов. Поляне, о которых говорилось выше в рассказах об основании Киева и «хазарской дани», больше в летописи не упоминаются, и «по умолчанию» надо думать, что они прямо и непосредственно «влились» в эту новообразовавшуюся русь. Таким же образом прямо не говорится, но логика рассказа подразумевает, что иначе должно было обстоять дело на севере в Новгороде: варяги и русь оттуда ушли, и «новгородстии людие, рекомии словене» должны были сохранить некую свою «особость», или идентичность, как сказали бы мы сегодня. Как увидим ниже, эта логика подтверждается дальнейшими упоминаниями и «новгородских людей», и «словен».

Отвлекаясь от исторического контекста и достоверности как сюжета, так и всей «этногенетической» или «этнополитической» конструкции,

представленных в этом рассказе, сейчас я хотел бы подчеркнуть, что в нём отражается принципиально иной взгляд на сущность и происхождение руси по сравнению с «имперско-эсхатологической перспективой» составителя *НС*. Этот взгляд вовсе лишён «провиденциальности» и нацелен не на то, чтобы вписать русь как общность или идентичность в некие универсальные образцы или процессы, а наоборот — на то, чтобы выделить, обособить её, указав её место в конкретной исторической ситуации. Объяснение событий предлагается без всякой отсылки на божественное вмешательство, а чисто прагматически — как следствие военных конфликтов, миграций, решений правителей и т. п.

За таким подходом проглядывает стремление автора не расширить идентичность руси, а утвердить её в противопоставлении с другими идентичностями, действовавшими в том же территориально-политическом пространстве, — локальными и/или этническими. Особенно это относится к варягам и словенам, с которыми русь выставлена в тесной связи, но по отношению к которым она, как выясняется с другой стороны, должна в первую очередь «самоутвердиться».

Эта отдельность руси от прочих общностей и народностей последовательно подчёркивается в дальнейшем повествовании о деяниях «русских князей», которое можно возводить к древнейшим летописным «слоям». В статье 6430 г. приводится оригинальный рассказ об успешном походе Олега на Царьград, восходящий, согласно Шахматову, к «Древнейшему Киевскому своду» [Шахматов 1908/2002: 362–363]. Греки выставлены в крайне непривлекательном свете: они «убояшася» Олега, попытались его отравить, а в конце признали себя побеждёнными и стали платить «дань», «юже дают и доселѣ княземъ рускымъ». Рассказ заканчивается известным анекдотическим эпизодом с парусами, которые стали шить для кораблей победителей из драгоценных материй, выданных греками в качестве «дани». Как выясняется, в войске Олега отдельно держались русь и словене, и смысл эпизода сводится к тому, чтобы посмеяться над последними: у словен паруса разодрал ветер, и им пришлось вернуться к своим «толстинам» (то есть, видимо, парусам из грубого полотна) [НПЛ 1950/2000: 108–109]. В итоге у читателя должно сложиться впечатление о героизме и славе руси, покорившей трусливых и хитрых греков и выгодно отличающейся от недотёпистых словен [ср.: о «противопоставлении руси и словен» в этом эпизоде: Петрухин 2013: 262].

В рассказе о гибели Игоря у древлян и мести княгини Ольги (статья 6453–6454 (945–946) гг.) [НПЛ 1950/2000: 110–112] последовательно противопоставляются «князь руський» «князю деревьскому» и древляне «людям кыевьстим» (выступающим, очевидно, как та же русь

[Рогов, Флоря 1982: 105]). Несмотря на печальную судьбу Игоря, рассказ снова заканчивается победной реляцией — на этот раз о покорении древлян.

В известиях о деятельности (главным образом военной) князя Святослава Русь выделяется как особая страна (территория) по сравнению с «Греками», «Чехами» и «Уграми», а также — не прямо, но по контексту — с «Болгарами» [НПЛ 1950/2000: 120, 123]. Под 6476 (968) г. рассказывается о приходе печенегов на «Рускую землю прѣвѣ» (то есть впервые). В тот раз осада Киева закончилась миром с ними, но затем на протяжении летописного повествования вплоть до смерти Владимира о печенегах ещё несколько раз говорится как о силе враждебной руси [Ibid.: 118–119, 127, 166, 168].

В описании борьбы Святослава с Византией русь как народ противостоит грекам, выставленным однозначно в негативном образе. О греках прямо сказано как о «лстивых» (то есть лживых) [НПЛ 1950/2000: 121]. Несмотря на то что фактически Святослав потерпел в конце концов поражение и должен был вернуться на Русь, летописец рисует его образ героическим и, замалчивая его неудачи, трактует гибель князя как случайность.

Большой интерес представляет знаменитая речь Святослава к своим воинам перед битвой руси с греками. Есть веские причины полагать, что она соответствовала действительным словам, которые произносил князь в какой-то момент во время войны с Византией за Болгарию в 970–971 гг., а значит, между её произнесением и записью протекло не так много времени (может быть, несколько десятилетий). Как показал А. А. Горский, летописная речь Святослава находит очень близкие аналогии в речи императора Оттона, которую приводит Видукинд Корвейский под 955 г. (якобы произнесённую перед битвой с венграми) [Горский 2015]. Как ни объясняй эти аналогии, смысл речи должен был соответствовать принятым в то время нормам и идеалам, на которые важно обратить внимание в данном случае. Летописный текст выглядит так:

И рече имъ Святославъ: уже намъ нѣкамо ся дѣти, волею и неволею стати противу; да не посраимъ землѣ Рускыя, но ляжемъ костью ту, мертвии бо срама не имут; аще ли побѣгнемъ, то срамъ имамъ; и не имамъ убѣжати, нъ станемъ крѣпко, азъ же предъ вами поиду; аще моя глава ляжетъ, то промыслите о собѣ. И рѣша воини: гдѣ, княже, глава твоя, ту и главы наша сложимъ [НПЛ 1950/2000: 122].

Вполне ожидаемо и естественно, что в речи говорится о воинской славе и верности воинов своему предводителю — эти идеалы, действительно, были свойственны «дружинному этосу» раннесредневековой

Руси (и не только Руси). Не вполне логично выглядит зато упоминание Русской земли: греки ей не угрожали, и Святослав бился, не защищая её, а выступая в Болгарии, в сущности, захватчиком. В этом упоминании явно сказывается тенденциозность летописца, пытающегося связать подвиги князя с прославлением руси или, иными словами, заставить «работать» славу воина-героя на укрепление статуса и, тем самым, идентичности руси. Военская слава оказывается «локализована» этно-территориально, и понятие Русской земли наполняется неким идеальным «патриотическим» содержанием — предполагается, что войско Святослава будет биться не только за него и за себя, но и за её честь. Но этот «патриотизм», конечно, не имеет никакого религиозного обоснования, и он соответствует скорее «прагматическо-конкретизирующей» стратегии идентификации, отмеченной выше в «Сказании о призвании варягов».

Под 6478 (970) г. помещён известный рассказ о том, как Владимир, сын Святослава от ключницы Малуши, оказался в Новгороде. Согласно летописцу, к Святославу «приидоша людие новгородстѣи, просяще князя себѣ: аще не поидет к нам, то мы налѣземъ собѣ князя» [НПЛ 1950/2000: 121]. И суть просьбы, и её формулировка, и обозначение «людие новгородстѣи» явно отсылают читателя к «Сказанию о призвании варягов», где эти «людие новгородстѣи» отождествлялись со словенами. Но смысл рассказа и сама ситуация совсем иные. В частности, обращают на себя внимание иронический ответ Святослава новгородцам: «да аще бы кто шель к вамъ» (то есть примерно: «да кто ж к вам пойдёт?!»), а затем указание, что сыновья Святослава Ярополк и Олег отказались идти в Новгород и что новгородцам пришлось удовлетвориться незаконнорожденным Владимиром. Угроза новгородцев «налезть себе» князя самостоятельно и сам факт, что они получили князя, которому было суждено великое будущее, свидетельствуют, что летописец признаёт за ними особые права и статус. Но в то же время он относится к ним с некоторым отчуждением — это явно взгляд из Киева, который отделяет «новгородских людей» от «киевских людей» и «русьских князей».

В известиях о ратных подвигах Владимира, сына Святослава, сообщается, что ведомая им русь воевала и подчинила в той или иной степени «ляхов» (статья 6489 г.), «вятичей» (статьи 6489–6490 гг.) и «радимичей» (статья 6492 г.) [НПЛ 1950/2000: 130–131]. В рассказе о радимичах ясно чувствуется, что летописец, смотря со стороны руси, видит в них общность чуждую. Как и в рассказах о словенах и греках, он снова иронизирует, сообщая, как «русь корят радимичѣ» — то есть насмеются над ними. Он считает нужным также сообщить, что радимичи происходят «от рода ляховъ», а заканчивает рассказ указанием, что они

«платять дань руси — повоз везуть — и до сего дни». Подчёркивается иноплеменное происхождение радимичей, которые по отношению к руси могут выступать только данниками (такими же, как греки или болгары). Сообщения о походах Владимира против иных народов могут также обходиться и без упоминания руси; соответствующие указания тогда даются по модели «ходи Владимир на таких-то» (ср.: сообщения о походах на ятвягов и волжских болгар [НПЛ 1950/2000: 130, 132]).

Среди известий, посвящённых Владимиру, есть одно о варягах, поставленных в столь тесную связь с русью в «Сказании о призвании варягов». В описании усобицы Владимира с его братом Ярополком, закончившейся вокняжением Владимира в Киеве, рассказывается, в частности, что варяги, с которыми Владимир пришёл из Новгорода в Киев и которые помогли ему одолеть Ярополка, были позднее обмануты новым киевским князем [НПЛ 1950/2000: 127–128]. Варяги выставлены в двойственном свете. С одной стороны, они помогают Владимиру, и за это достойны похвалы. Среди них оказались «мужи добры и храбры и мудры», которых князь, утвердившись в Киеве, «избра» для управления «градами». С другой стороны, они требовали «окупа» с киевлян, рассматривая город как свою добычу, и творили некие бесчинства («зло») в городе, ожидая выплаты. Это не может вызвать сочувствия летописца, и он с одобрением излагает действия Владимира, который в итоге ничего не заплатил варягам и большинство из них отправил в Византию, тайно предупредив императора об их плохом поведении.

Ситуация появления «северного» князя в Киеве с варягами напоминает ту, что описана в *Origo gentis russionum*. Параллелизм отмечается и в употреблённых выражениях: «мужи добры и храбры и мудры» и власть над «градами». Однако при этом степень отчуждения по отношению к варягам заметно повышена — летописец явно рассматривает их не как «своих», а как «чужих».

Таким образом, в статьях *НЛМ* до конца X в. русь/Русская земля выступает как обозначение народа/государства, отличного не только от таких «дальних» соседей, как варяги, греки или поляки (ляхи), но и восточнославянских общностей — таких как словен, древлян и радимичей. При этом все общности, с какими руси приходится иметь дело, рассматриваются в одном ряду, лишь печенеги, может быть, наиболее последовательно выступают враждебной силой по отношению к князьям руси и населению, признающему их власть. Несмотря на то что происхождение руси связывается напрямую со словенами и варягами, обе эти общности сосуществуют с новообразовавшейся русью, и летописец смотрит на них не менее «свысока», чем, например, на греков или радимичей.

С принятием христианства отношение летописца к руси должно было так или иначе измениться. И он, и читатели его труда не могли не понимать, что с этого момента она попадала в новый контекст этнических и политических отношений. И это ясно уже даже из тех выражений, которые употребляются в рассказе о «выборе веры»: большинство народов, предлагающих Владимиру свою веру, называются не просто своим именем, но с дополнительным обозначением, так или иначе указывающим на их вероисповедание: «болгаре веры Бохмицѣ», «нѣмци из Рима», «жидове козарьстѣи» [НПЛ 1950/2000: 132–133, ср.: 148–149]. Лишь греки остаются греками — в этом случае дополнительные указания были бы, очевидно, излишни. Этническая номенклатура, оказываясь в религиозном контексте, приобретает новые смысловые оттенки.

Несколько ниже в описании сватовства Владимира к византийской царевне Анне приводится любопытный диалог между Анной и её братьями — василевсами-соправителями Василием и Константином. Анна не желает идти замуж за Владимира и ехать на Русь: «въ поганья, рече, иду; лучши бы мнѣ здѣ умерети»⁴. Братья ей отвечают: «егда како тобою обратит богъ Рускую землю в покаяние, а Гречьскую землю избавиши от лютыя работы, — видиши бо, колико русь сътвориша грѣкомъ зло...» [НПЛ 1950/2000: 151]. Русь здесь впервые в собственно оригинальном летописном тексте (а не во вставках из греческих хроник) прямо названа поганой, и этот эпитет здесь носит явно неодобрительный характер. Но слова Василия и Константина «уравновешивают» этот выпад и тут же восстанавливают положительный фон презентации руси. Русская земля выставлена как поработившая Греческую (державшая её в «лютой работе») и добровольно идущая на крещение («покаяние») — автор тем самым указывает на силу руси и признаёт как правильность, так и самостоятельность её выбора.

В новом контексте различия в среде тех людей, кто признал власть князей русских и принял крещение, должны были терять актуальность. Критерий деления по выплате дани — есть те, кто платит, и те, кто берёт — уходил в прошлое, и важнее — по крайней мере в дискурсе летописца — становится факт, кто крещён, а кто нет. Этот взгляд отражён в новом наименовании руси — как подчёркивается в нескольких

⁴ В *Лавр* есть расхождение [ПСРЛ 1: 110]. Здесь в словах Анны отказ мотивируется не язычеством руси, а неволей: «в полон, рече, иду...». По контексту подходит и такой вариант, потому что жалоба на принуждение со стороны завоевателя Херсонеса была бы уместна в устах Анны. Но, во-первых, в ответных словах братьев говорится именно о принятии христианства, а не пленении царевны, и обмен репликами имеет в виду противопоставление «здесь» и «там», а не «воля» и «неволя», и во-вторых, вариант *Лавр* не поддерживается никакими другими летописями (и списками *ПВЛ*, и летописями *НСГ*).

местах рассказа о Крещении, русь становится «новыми людьми христианскими». Так, после крещения киевлян подчёркивается преобразование народа: «благословень Господь Исус Христос, иже возлюбил новыя люди Рускую землю, просвѣти крещениемъ святымъ». Далее ещё раз в патетическом окончании всего рассказа смысл события раскрывается как рождение нового народа: «... и Господь въ вѣки пребываетъ хвалимъ от русскихъ сыновъ, пѣваемъ въ Троици, а дѣмонѣ проклинаемъ от вѣрныхъ человекъ и от говѣиныхъ женъ, иже прияли суть крещение и покаяние въ отпущение грѣховъ — новии людие крестиянѣ, избрании богомъ» [НПЛ 1950/2000: 158–159].

Идея о руси / Русской земле как «новых христианских людях» прямо высказывается ещё только несколько раз — в похвале Владимиру, прославлении Бориса и Глеба как «заступников» Русской земли и в похвале Ярославу Мудрому под 6545 (1037) г., которая, как считал А. А. Шахматов, заключала «Древнейший Киевский свод» (первоначальное ядро летописания)⁵. В дальнейшем нарративе этой идеи уже нет, и акценты в презентации руси как христианского народа переставляются.

Главным в этой презентации становится устойчивое противопоставление христианской руси «поганым» народам. Впервые оно обозначено в статье 6568 (1060) г., где сообщается о походе Ярославичей и Всеслава полоцкого против торков и известие кончается словами: «такъ б(ог)ъ избави х(ри)с(т)ьяны от поганыхъ». Похожим образом завершается следующая же статья 6569 (1061) г., которая сообщает о первом появлении половцев в Русьской земле и победе их над Всеволодом Ярославичем: «се быс(ть) первое зло от поганых и безбожныхъ врагъ» [ПСРЛ 1: 163; НПЛ 1950/2000: 183]. В дальнейшем преимущественно именно половцы выступают в роли «поганых», губящих «души христианские» — русь/Русьскую землю (в статьях 6573 [ПСРЛ 1: 164 (здесь под 6572 г.); НПЛ 1950/2000: 184], 6576 [ПСРЛ 1: 167; НПЛ 1950/2000: 186], 6586 [ПСРЛ 1: 200] и 6601 [Ibid.: 219]). Апогея это противопоставление достигает в статье 6601 (1093) г., которая, по Шахматову, завершала *НС* и в которой, как говорилось выше, развивалась «имперско-эсхатологическая перспектива», обозначенная в «Предисловии к *НС*».

К статьям, связанным с деятельностью Ярослава Мудрого, относятся последние упоминания варягов и восточнославянских «племён». На них стоит остановиться подробнее, потому что в них просматривается тот взгляд древнего летописца, который коренным образом отличается от «имперско-эсхатологической перспективы».

⁵ Все эти известия читаются в списках *ПВЛ*, но отсутствуют в *НЛМ*, где, как говорилось выше, после сообщения о смерти Владимира прекращается последовательная передача *НС*. См.: [ПСРЛ 1: 131, 138, 153].

В сообщениях о борьбе Ярослава и Святополка после смерти Владимира в 1015 г. важную роль играют варяги. В литературе последних лет этим сообщениям, отразившимся в разном виде в *Н1м*, Новгородской I летописи старшего извода и в списках *ПВЛ*, было уделено много внимания, и несмотря на сложное и не до конца прояснённое взаимоотношение текстов на этом отрезке летописания в нём можно различить древнейшие «пласты», восходящие (по разным оценкам) к второму — пятому десятилетиям XI в. [см. особенно: Лукин 2007; Цукерман 2009: 222–231, 243–258; Гиппиус 2014].

Текст, безусловно более ранний по сравнению с *НС* и *ПВЛ*, читается в рассказе о конфликте варягов и новгородцев, разгоревшемся в Новгороде при Ярославе, по *Н1м* [НПЛ 1950/2000: 174–175]. В этом тексте варяги фигурируют как наёмники, которых Ярослав, послав «за море», «приведе» в Новгород, и они выступают совершенно отдельно от «новгородцев». В изложении конфликта автор несомненно стоит на стороне новгородцев, обвиняя варягов в «насилии» и подчёркивая, что решающим фактором в борьбе Ярослава со Святополком стала поддержка новгородцев. Вместе с тем, итогом конфликта становится в изложении летописца не преобладание одной стороны над другой, а скорее, примирение между ними.

Древний летописный рассказ продолжался эпизодом с описанием Любечской битвы, состоявшейся, когда Ярослав пришёл с войском с севера на юг (вероятно, это было в конце 1016 г.). В двух вариантах рассказа о Любечской битве, представленных в *Н1м* и в списках *ПВЛ*, на стороне Ярослава выступают варяги и новгородцы. Однако в *Н1м* не говорится, из кого состояло войско Святополка. В *ПВЛ*⁶, а также в летописях *НСГ* сказано зато, что Святополк «пристрои бещисла вои русь и печенъгъ» [ПСРЛ 2: 128–129; ПСРЛ 42: 61]. Восходит ли это указание к древнему летописному «слою» или является добавлением позднейших редакторов, не ясно. Если дополнительное указание о составе войска Святополка считать древнего происхождения, то выходит, что автор этого древнего текста не смешивал русь, выступившую на стороне Святополка, не только с печенегами и варягами, но и с новгородцами, пришедшими с Ярославом. В любом случае, составитель *ПВЛ* такой расклад сил допустил как возможный, вне зависимости от того, переписывал ли он только протограф или вносил ещё свою правку.

Рассказ о битве на Буге Ярослава с Болеславом, князем польским, читается только в *ПВЛ* (и в летописях *НСГ*, следующих здесь *ПВЛ*) в статье 6526 (1018) г. [ПСРЛ 1: 142–143; ПСРЛ 42: 61]. И характер этого рассказа, и исторически достоверный факт самой военной кампании

⁶ За исключением списка *Лаер*, в котором был, видимо, механический пропуск.

(лето 1018 г.) говорят в пользу того, что этот текст восходил к древнему летописанию, присутствовал, вероятно, и в *НС*, хотя не был учтён позднее в новгородском летописании [см.: Гиппиус 2014]. Состав войска Ярослава здесь тоже показателен: против «ляхов» с ним выступили, по летописи, «русь и варяги и словѣнѣ». Это перечисление соответствует тому, которое даётся в описании Любечской битвы по *ПВЛ*, с учётом логики событий: печенеги, будучи в союзе со Святополком, после поражения при Любече и не должны были быть с Ярославом, русь — очевидно, прежде всего население Киева — признала власть победителя и пошла с ним против поляков, а варяги и словене как пришли с Ярославом, так с ним и оставались. Важно, прежде всего, что русь, варяги и словене не смешиваются (хотя теперь состоят в одной войске под началом одного князя), а также что обозначения «новгородцы» и «словене» выступают как синонимы, как и в «Сказании о призвании варягов».

Как в этом тексте, так и в других фрагментах описания борьбы Ярослава и Святополка (по всем летописям) не только варяги, ляхи и чехи (эти последние упоминаются при указании места гибели Святополка: в пустыне «межу ляхы и чехы»), но и печенеги упоминаются в нейтральном контексте. В отличие от позднейших упоминаний половцев здесь о печенегах говорится без специфически негативной окраски, хотя русь в тот момент выступала уже как народ христианский, а печенеги оставались язычниками. «Ругательных» эпитетов в отношении печенегов можно было бы тем более ожидать, что к их помощи прибегал братоубийца Святополк «Окаянный». Однако гнев летописца обрушивается именно на Святополка, но не на его союзников.

С сообщениями из истории междоусобицы Святополка и Ярослава стилистические аналогии обнаруживают известия о борьбе Ярослава с Мстиславом (статьи 6532–6534 (1024–1026) гг.), о сражении Ярослава с печенегами под Киевом (6544 (1036) г.) и о походе на Византию в 1043 г. [Милютенко 2006: 158–162]. Шахматов возводил эти тексты (если не целиком, но в основном) к «Древнейшему киевскому своду 1039 г.», считая последнее известие «припиской» к нему [Шахматов 1908/2002: 161–165, 399–404]. Именно в них мы видим последние упоминания варягов и словен, и это, на мой взгляд, не случайно.

В статье *ПВЛ* 6532 (1024) г. приведён рассказ о Лиственской битве между Ярославом и его братом Мстиславом, владевшим Тьмутороканью и Черниговом и претендовавшим на Киев [ПСРЛ 1: 148–149]. В более исправном и, видимо, первоначальном виде этот рассказ читается в летописях *НСГ* [ср.: ПСРЛ 42: 63]. Но оба варианта сходятся в том, что главное столкновение произошло между варягами, которых привёл Ярослав из Новгорода, и «севером», то есть северянами, которые сражались

на стороне Мстислава. Упоминается, что в битве участвовала также «дружина» Мстислава, но больше ни о ком не говорится. В рассказе при этом просматривается насмешливо-ироническое отношение к главным участникам битвы — варягам и северянам. Специально отмечается, что предводитель варягов Якун красиво выглядел в особом златотканом плаще, но, убегая с поля битвы, он этот плащ бесславно потерял⁷. О северянах говорится, что они не выдержали первый натиск варягов и многие из них пали («трудисяся варязи, секуще сѣверь») [ПСРЛ 2: 135–136⁸]. Об их гибели нисколько не печалился Мстислав, радовавшийся, что его собственная «дружина» осталась «цѣла». Не видно никакого сочувствия к северянам и со стороны летописца.

Статья *ПВЛ* 6544 (1036) г. рассказывает о победе Ярослава над печенегами. По летописи, Ярослав узнал об осаде Киева печенегами, находясь в Новгороде. Оттуда он привёл «воев» — «варягы и словѣни». Далее описывается, как он расставил войско в решающем сражении у Киева: «постави варягы посредь, а на правѣи сторонѣ кыяне, а на лѣвѣмъ крилѣ новгородци» [ПСРЛ 1: 151]. Из этого описания следует, что словене и новгородцы снова выступают синонимами. Русь не упоминается вовсе — очевидно, она представлена «кыянами». О поражении печенегов сообщается, разумеется, в приподнятом духе, но при этом опять они не выставляются «погаными», «безбожными» и т. п.

Рассказ о походе Владимира, сына Ярослава, «на греки» в 1043 г. сохранился в двух версиях — в *ПВЛ* (более краткой) и в летописях *НСГ* (пространной). Со времени Шахматова в литературе велись дискуссии об их соотношении, в последней работе приведены аргументы в пользу того, что текст в версии *НСГ* отражает более ранний летописный «пласт» [Гимон 2012: 660–670]. В данном случае этот вывод важен, поскольку именно в этой версии говорится, что в поход пошла не только русь (так по *ПВЛ*), но и варяги, причём последние выставляются в невыгодном свете. Сначала сообщается, что во время похода между русью и варягами возникли разногласия и что решение идти по морю на Царьград, принятое по совету варягов, оказалось губительным для войска. Затем говорится, что, когда в море поднялась буря, разметавшая корабли, то именно варяги «побѣгоша вспять» [ПСРЛ 42: 64]. Автор этой версии явно сочувствует руси, значительная часть которой попала в плен грекам, а варягов выставляет косвенно виновниками поражения. Такое отношение к варягам заставляет вспомнить неоднозначное отношение к ним в летописных рассказах об их «насилиях» в Киеве (при Владимире)

⁷ Якун отождествляется с известным деятелем норвежской истории Хаконом. См. о нём и его плаще: [Литвина, Успенский 2018: 151–175].

⁸ В *Лавр* здесь пропуск.

и потом в Новгороде (при Ярославе) и об их участии в Лиственской битве. «Изъятие» варягов в сокращённой версии рассказа в *ПВЛ* можно объяснить либо попыткой «упростить» конфликт, сведя его к противостоянию Руси и Византии, либо сознательным отождествлением руси и варягов⁹.

Так или иначе, это упоминание варягов – последнее в летописании XI в., которое можно считать (пусть с той или иной степенью вероятности) предшествующим *НС*. Больше не упоминаются и никакие «восточнославянские племена», и русь как этническая или этнополитическая общность противопоставляется только тем соседним народам, которые чётко отделены от неё политико-территориально – грекам, полякам (ляхам), венграм (уграм) и т. д. Вне религиозно-эсхатологически «подсвеченного» противопоставления руси и половцев эти упоминания других народов носят нейтральный характер¹⁰.

Это совсем не значит, что исчезли этнические группы (народности), соответствующие варягам (скандинавам) и «восточнославянским племенам». Хорошо известно, что активные и многосторонние контакты руси со скандинавами продолжались и во второй половине XI в., и в последующее время. Собственно о варягах упоминает и позднейшее летописание (новгородское XII–XIII вв.) [НПЛ 1950/2000: 39, 45 и др.], хотя постепенно этот термин выходит из употребления. С другой стороны, о некоторых восточнославянских «племенах» как сохраняющихся общностях упоминается и в XII в. – например, о вятичах рассказывает Владимир Мономах в «Поучении», а затем они упоминаются до середины XII в. в южнорусском летописании [Лукин 2003: 272–282].

Дело, по-видимому, не столько в резких переменах реальности, сколько в изменении той оптики, через которую летописцы смотрят на эту реальность и передают её в тексте. Составитель *НС* видел в Русской земле христианское государство, объединявшее на определённой территории людей разного этнокультурного происхождения, а в руси идентичность более широкую или более высокого уровня, чем некие локальные. Но совсем иначе выглядит та русь, которая перечисляется в одном ряду со словенами и варягами в летописных известиях со «Сказания о призвании варягов» до описаний военных кампаний Ярослава. Эта русь не противопоставляется никому в религиозном отношении, и её язычество для автора текста irrelevantно, и даже более того – языческая русь выставляется в выгодном свете на фоне православных

⁹ В таком духе высказывался Д. С. Лихачёв, предполагая в этом отождествлении «норманизм» составителя *ПВЛ* [ПВЛ 1950/1996: 484].

¹⁰ Ср., например, упоминания ляхов и Лядской земли (статья 6577 (1069) г.) или Греческой земли и Русской в предсказаниях киевского волхва (6579 (1071) г.): [ПСРЛ 1: 173–174; НПЛ 1950/2000: 190–191]. Статьи восходят, несомненно, к *НС*.

греков. Только составитель *НС* посчитал возможным внести отрывки из греческих хроник с осуждением «поганой» руси.

В территориальном плане русь древнейшего текстового «пласта» летописи привязана к Киеву («киевские люди» — в ряде контекстов это та же русь), хотя в каких-то случаях охватывает и Новгород. Видимо, в этих случаях на передний план выходит политический аспект — у этой руси есть своя династия («князья русьстии»), которая распространяет власть на разные общности, сохраняющие свои названия (идентичности). Некоторый «разрыв» между русью как общностью и её династией обнаруживается в отдельных политических конфликтах. Например, в борьбе Святополка и Ярослава сходятся с одной стороны русь и печенеги, а с другой — новгородцы и варяги, но при этом именно вторая сторона обеспечивает победу «хорошего» князя над «плохим» и тем самым «правильное» развитие политической организации Руси. В другом случае один из братьев опирается на варягов, а второй на северян и некую «свою дружину», пришедшую с ним из Тмутаракани, а в итоге, как выясняется, они делят «Русскую землю».

Для автора этих древних текстов русь — не «имперская» супраидентичность, а «племенная» общность. Этот взгляд В. М. Живов, выделяя его как отдельную струю в нарративном «потоке» *ПВЛ*, называл «локально-этническим» или «родовым сознанием» и противопоставлял его «универсалистско-христианскому» [Живов 1998/2002: 172, 178, 184]. Имея в виду сходство древнейшего пласта «Начальной летописи» с западноевропейскими историческими сочинениями жанра *origo gentis*, можно было бы назвать этот взгляд «гентильным» — в том смысле, какой в этот термин вкладывал известный немецкий историк Райнхард Венкус [Wenskus 1961]. Венкус отталкивался от древнеримского и раннесредневекового латинского термина *gens*, желая подчеркнуть специфику неустойчивого и неопределённого социального строя и этнополитического сознания германских «варварских» общностей, и предлагал называть этот строй «гентилизмом» (*Gentilismus*), а варварские общности «гентильными» (*gentil*)¹¹.

Как бы ни называть этот взгляд, надо подчеркнуть, что он выглядит довольно архаично в сравнении с представлениями составителя *НС*. Как и авторы средневековых сочинений об *origines* готов, саксов и прочих «варварских» *gentium*, автор древнерусского летописного «ядра»

¹¹ Вообще в понятии «гентильный» отразились самые разные смыслы — от библейского словоупотребления (слово *gens* использовалось в латинском переводе Ветхого Завета для обозначения всех языческих народов, противостоящих «избранному» народу евреев) до марксистской терминологии (например, в работе Ф. Энгельса «Происхождение семьи, частной собственности и государства» слово *gentil* употребляется в смысле «родовой»).

стремился утвердить отдельность и самостоятельность «своего» народа (руси), который прославлялся прежде всего за военные победы и представлялся в выгодном свете по отношению к соседним народам — над последними можно посмеяться, рассказать об их поражениях или просто выставить их данниками «своих», не стесняясь явных преувеличений. В таком свете выставлены, например, «льстивые» греки. Варяги и словене, с которыми русь связана происхождением, в большинстве случаев оказываются в союзе с ней, но даже и по отношению к ним чувствуется некоторая отстранённость или ирония (ср.: о «толстинах» словен или об обидах варягов новгородцам). Эта идентичность нацелена не на «имперское» расширение, а на «локально-этническое» сужение. Народ руси противопоставляется не только дальним соседям, но и тем, кто собственно населял территорию государства Руси, как она сформировалась в XI в.

Выявление разного понимания руси в разных слоях летописания ставит под вопрос попытки прочтения всего древнейшего летописания как выросшего из эсхатологических идей и изначально ориентированного на провиденциально-исторические схемы. Некоторые современные авторы, отказываясь от «расслоения» «Начальной летописи» методами шахматовской текстологии, видят в *ПВЛ* единый целостный эсхатологический текст [Исоахо 2016]. Другие признают, что «Начальная летопись» складывалась в несколько этапов, но на всех этапах усматривают эсхатологические или провиденциальные установки (см., напр.: [Данилевский 2008]). Как мне представляется, разным этапам/«слоям» летописания соответствуют разные этно-исторические модели или «проекты идентичности». Древнейший пласт «Начальной летописи» отражает «родовой», «локально-этнический» или «гентильный» взгляд. Печерские книжники, создавая своды в конце XI — начале XII в., отталкивались от византийских религиозных моделей, но и у них можно различить нюансы в подходах. Автор *НС* прямо связывал богоизбранность Руси с имперским «расширением» идентичности. В *ПВЛ* акцент переместился на «последние времена», но скорее не в связи с особой ролью руси, а с осмыслением половецкой угрозы.

Текстологически оправданная «деконструкция» летописания Киевской Руси позволяет выявить динамичную и разностороннюю картину общественной мысли этой эпохи и не навязывать древним текстам и их авторам представлений Нового времени, порождённых вызовами и парадигмами современной эпохи национализма и глобализма.

Сокращенные названия летописных сводов

Лавр — Лаврентьевская летопись

Н1м — Новгородская I летопись младшего извода

Н1с — Новгородская I летопись старшего извода

НС — Начальный свод

НСГ — Новгородско-софийская группа летописей (Новгородская Карамзинская, Софийская I, Новгородская IV)

ПВЛ — Повесть временных лет

Библиография

Ведюшкина 1995

Ведюшкина И. В., «“Русь” и “Русская земля” в Повести временных лет и летописных статьях второй трети XII – первой трети XIII в.», in: *Древнейшие государства Восточной Европы. Материалы и исследования. 1992–1993 гг.*, Москва, 1995, 101–116.

Гимон 2012

Гимон Т. В., «События XI – начала XII в. в новгородских летописях и перечнях», in: *Древнейшие государства Восточной Европы. Материалы и исследования. 2010: Предпосылки и пути образования Древнерусского государства*, Москва, 2012, 584–703.

Гиппиус 1993 / 2000

Гиппиус А. А., «“Повесть временных лет”: о возможном происхождении и значении названия», in: *Из истории русской культуры*, 1: Древняя Русь, Москва, 2000, 448–460; [1-е изд.: 1993].

— 2001

Гиппиус А. А., «Рекоша дружина Игоревы... К лингвотекстологической стратификации Начальной летописи», in: *Russian Linguistics*, 25, 2, 2001, 147–181.

— 2006

Гиппиус А. А., «Два начала Начальной летописи: к истории композиции Повести временных лет», in: *Вереница литер. К 60-летию В. М. Живова*, Москва, 2006, 56–96.

— 2010

Гиппиус А. А., «Предисловие к “Софийскому временнику” (киевскому начальному своду): текст, язык, источники», in: *Русский язык в научном освещении*, 20, 2, 2010, 143–199.

— 2011

Гиппиус А. А., «К хазарской дани», in: *Восточная Европа в древности и средневековье*, 23: Ранние государства Европы и Азии: проблемы политогенеза, Москва, 2011, 49–55.

— 2012

Гиппиус А. А., «До и после Начального свода: ранняя летописная история Руси как объект текстологической реконструкции», in: *Русь в IX–X веках: археологическая панорама*, Москва, Вологда, 2012, 37–63.

— 2014

Гиппиус А. А., «Битвы Ярослава Мудрого: структура и стратиграфия летописного нарратива», in: *Нарративные традиции славянских литератур: От Средневековья к Новому времени. К юбилею члена-корреспондента РАН Е. К. Ромодановской*, Новосибирск, 2014, 40–48.

— 2015

Гиппиус А. А., «Гюрята Рогович и его роль в русской эсхатологии (к интерпретации статьи 6604 г.)», in: *Академик А. А. Шахматов: жизнь, творчество, научное наследие (к 150-летию со дня рождения)*, С.-Петербург, 2015, 251–263.

Горский 2015

Горский А. А., «Святослав Игоревич и Оттон I: речи перед битвой», in: *Древняя Русь. Вопросы медиевистики*, 62, 4, 2015, 35–40.

Данилевский 2004

Данилевский И. Н., *Повесть временных лет: герменевтические основы источниковедения летописных текстов*, Москва, 2004.

— 2008

Данилевский И. Н., «Зарождение государственной идеологии в Древней Руси», in: *Ярослав Мудрый и его эпоха*, Москва, 2008, 134–152.

Добровольский 2011

Добровольский Д. А., «“Теория казней Божьих”: от Начального свода к Повести временных лет», in: *Локальные исторические культуры и традиции историописания*, Москва, 2011, 144–154.

Живов 1998 / 2002

Живов В. М., «Об этническом и религиозном самосознании Нестора Летописца», in: *Idem, Разыскания в области истории и предьстории русской культуры*, Москва, 2002, 170–186 [1-е изд.: 1998].

Исоахо 2016

Исоахо М., «Последний царь и “сынове Измаилеви”: Апокалипсис в “Повести временных лет”», in: *Древняя Русь. Вопросы медиевистики*, 66, 4, 2016, 5–19.

Кучкин 1995

Кучкин В. А., «“Русская земля” по летописным данным XI – первой трети XIII в.», in: *Древнейшие государства Восточной Европы. Материалы и исследования. 1992–1993 гг.*, Москва, 1995, 74–100.

Литвина, Успенский 2018

Литвина А. Ф., Успенский Ф. Б., *Похвала щедрости, чаша из черепа, золотая луда... Контуры русско-варяжского культурного взаимодействия*, Москва, 2018.

Лукин 2003

Лукин П. В., «Восточнославянские “племена” в русских летописях: Историческая память и реальность», in: *Образы прошлого и коллективная идентичность в Европе до начала Нового времени*, Москва, 2003, 257–285.

— 2007

Лукин П. В., «События 1015 г. в Новгороде. К оценке достоверности летописных сообщений», in: *Отечественная история*, 4, 2007, 3–20.

Милютенко 2006

Милютенко Н. И., «Летописание Ярослава Мудрого (Древнейший свод)», in: *Rossica Antiqua*, С.-Петербург, 2006, 158–169.

Мюллер 1988 / 2000

Мюллер Л., «Рассказ “Повести временных лет” 955 г. о крещении Ольги», in: *Idem, Понять Россию: историко-культурные исследования*, Москва, 2000, 43–59; [1-е изд.: 1988].

Насонов 1951

Насонов А. Н., «Русская земля» и образование территории Древнерусского государства: *Историко-географическое исследование*, Москва, 1951.

НПЛ 1950 / 2000

Насонов А. Н., ред. и предисл., *Новгородская первая летопись старшего и младшего извода*, Москва, Ленинград, 1950; [репринт: Москва, 2000].

Петрухин 2013

Петрухин В. Я., *Русь в IX–X веках. От призвания варягов до выбора веры*, Москва, 2013.

ПВЛ 1950 / 1996

Повесть временных лет, Лихачёв Д. С., подготовка текста, перевод, статьи и комментарии, Адрианова-Перетц В. А., ред., 2-е изд., исправл. и дополн., Свердлов М. Б., подготовка, С.-Петербург, 1996 [1-е изд.: 1–2, Москва – Ленинград, 1950].

ПСРЛ 1

Полное собрание русских летописей, 1: Лаврентьевская летопись, Ленинград, 1926.

ПСРЛ 42

Полное собрание русских летописей, 42: Новгородская Карамзинская летопись, С.-Петербург, 2002.

Рогов, Флоря 1982

Рогов А. И., Флоря Б. Н., «Формирование самосознания древнерусской народности (по памятникам древнерусской письменности X–XII веков)», in: *Развитие этнического самосознания славянских народов в эпоху раннего средневековья*, Москва, 1982, 96–119.

Стефанович 2012

Стефанович П. С., «Сказание о призвании варягов» или *Origo gentis russorum?*, in: *Древнейшие государства Восточной Европы: Материалы и исследования. 2010 г.: Предпосылки и пути образования Древнерусского государства*, Москва, 2012, 513–582.

— 2018

Стефанович П. С., «Идентичность руси в «имперско-эсхатологической» перспективе составителя “Начального свода”», in: *Древняя Русь. Вопросы медиевистики*, 72, 2, 2018, 48–64.

Толстой 1993/2000

Толстой Н. И., «Этническое самопознание и самосознание Нестора Летописца, автора “Повести временных лет”», in: *Из истории русской культуры*, 1, Москва, 2000, 441–447; [1-я публ.: 1993].

Флоря 1991

Флоря Б. Н., «Представления об образовании государства и его основных функциях в русском и западнославянском летописании», in: *Раннефеодальные славянские государства и народности (Проблемы идеологии и культуры)*, София, 1991, 43–53.

Цукерман 2009

Цукерман К., «Наблюдения над сложением древнейших источников летописи», in: *Борисо-глебский сборник*, 1, Париж, 2009, 183–305.

Шахматов 1908/2002

Шахматов А. А., «Разыскания о древнейших русских летописных сводах», in: Шахматов А. А., *История русского летописания*, 1, 1, С.-Петербург, 2002; [1-е изд.: 1908].

— 1909 / 2003

Шахматов А. А., «Предисловие к Начальному Киевскому своду и Несторова летопись», in: Шахматов А. А., *История русского летописания*, 1, 2, С.-Петербург, 2003, 380–412; [1-е изд.: 1909].

— 1947 / 2003

Шахматов А. А., «Киевский Начальный свод 1095 г. [I Начальный свод]», in: Шахматов А. А., *История русского летописания*, 1, 2, С.-Петербург, 2003, 428–464 [написано в 1916–1920 гг.; 1-е изд.: 1947].

Gippius 2014

Gippius A., “Reconstructing the original of the Povest' vremennyx let: a contribution to the debate”, in: *Russian Linguistics*, 38, 2014, 341–366.

Wenskus 1961

Wenskus R., *Stammesbildung und Verfassung. Das Werden der frühmittelalterlichen gentes*, Böhlau, Köln, Graz, 1961.

References

- Florya B. N., "Predstavleniia ob obrazovanii gosudarstva i ego osnovnykh funktsiakh v russkom i zapadno-slavianskom letopisanii", in: *Rannefeodalnye slavianskie gosudarstva i narodnosti (Problemy ideologii i kul'tury)*, Sofia, 1991, 43–53.
- Gimon T. V., "Sobytiia XI – nachala XII v. v novgorodskikh letopisiakh i perechniakh", in: *Drevneishie gosudarstva Vostochnoi Evropy. Materialy i issledovaniia. 2010: Predposylki i puti obrazovaniia Drevnerusskogo gosudarstva*, Moscow, 2012, 584–703.
- Gippius A. A., "'Povest' vremennykh let': o vozmozhnom proiskhozhdenii i znachenii nazvaniia", in: *Iz istorii russkoi kul'tury, 1: Drevniaia Rus'*, Moscow, 2000, 448–460.
- Gippius A. A., "On the linguotextological stratification of the Primary Chronicle", in: *Russian Linguistics*, 25, 2, 2001, 147–181.
- Gippius A. A., "Dva nachala Nachal'noi letopisi: k istorii kompozitsii Povesti vremennykh let", in: *Verenitsa liter. K 60-letiiu V. M. Zhivova*, Moscow, 2006, 56–96.
- Gippius A. A., "Predislovie k 'Sofiiskomu vremenniku' (kievskomu nachal'nomu svodu): tekst, iazyk, istochniki", in: *Russian Language and Linguistic Theory*, 20, 2, 2010, 143–199.
- Gippius A. A., "K khazarской dani", in: *Vostochnaia Evropa v drevnosti i srednevekov'e. 23: Rannie gosudarstva Evropy i Azii: problemy politogeneza*, Moscow, 2011, 49–55.
- Gippius A. A., "Do i posle Nachal'nogo svoda: ranniaia letopisnaia istoriia Rusi kak ob'iekt tekstopologicheskoi rekonstruktsii", in: *Rus' v IX–X vekakh: arkhеologicheskaiа panorama*, Moscow, Vologda, 2012, 37–63.
- Gippius A. A., "Bitvy Iaroslava Mudrogo: struktura i stratigrafia letopisnogo narrativa", in: *Narrativnye traditsii slavianskikh literatur: Ot Srednevekov'ia k Novomu vremeni. K iubileiu chlena-korrespondenta RAN E. K. Romodanovskoi*, Novosibirsk, 2014, 40–48.
- Gippius A., "Reconstructing the original of the Povest' vremennykh let: a contribution to the debate", in: *Russian Linguistics*, 38, 2014, 341–366.
- Gippius A. A., "Giuriata Rogovich i ego rol' v russkoi eskhatologii (k interpretatsii stat'i 6604 g.)", in: *Akademik A. A. Shakhmatov: zhizn', tvorchestvo, nauchnoe nasledie (k 150-letiiu so dnia rozhdeniia)*, St. Petersburg, 2015, 251–263.
- Gorsky A. A., "Sviatoslav Igorevich and Otto I: Their Speeches before the Battles", in: *Old Russia. The Questions of Middle Ages*, 62, 4, 2015, 35–40.
- Danilevsky I. N., *Povest' vremennykh let: germevnticheskie osnovy istochnikovedeniia letopisnykh tekstov*, Moscow, 2004.
- Danilevsky I. N., "Zarozhdenie gosudarstvennoi ideologii v Drevnei Rusi", in: *Iaroslav Mudryi i ego epokha*, Moscow, 2008, 134–152.
- Dobrovolsky D. A., "'Teoriia kaznei Bozh'ikh': ot Nachal'nogo svoda k Povesti vremennykh let", in: *Lokal'nye istoricheskie kul'tury i traditsii istoriopisaniia*, Moscow, 2011, 144–154.
- Isoakho M., "The Ruler of Rus' against the Ishmaelites – Kiev as a Scene of Apocalyptic Wars in the Primary Chronicle", in: *Old Russia. The Questions of Middle Ages*, 66, 4, 2016, 5–19.
- Kuchkin V. A., "'Russkaia zemlia' po letopisnym dannym XI – pervoi treti XIII v.", in: *Drevneishie gosudarstva Vostochnoi Evropy. Materialy i issledovaniia. 1992–1993 gg.*, Moscow, 1995, 74–100.
- Litvina A. F., Uspenskiy F. B., *Pokhvata shchedrosti, chasha iz cherepa, zolotaia luda... Kontury rusko-variazhskogo kul'turnogo vzaimodeistviia*, Moscow, 2018.
- Lukin P. V., "The East Slavic Tribes of the IX–XII centuries in Russian chronicles: historical memory and reality", in: *History and Memory Historical Culture of Europe before the Modern Age*, Moscow, 2003, 257–285.
- Lukin P. V., "Novgorodian Events of 1015. On the reliability of the records of chronicles", in: *Otechestvennaia istoriia*, 4, 2007, 3–20.
- Milutenko N. I., "Letopisanie Iaroslava Mudrogo (Drevneishii svod)", in: *Rossica Antiqua*, St. Petersburg, 2006, 158–169.
- Müller L., "Russkay 'Povesti vremennykh let' 955 g. o kreshchenii Ol'gi", in: *Idem, Ponia! Rossiu: istoriko-kul'turnye issledovaniia*, Moscow, 2000, 43–59.
- Nasonov A. N., "Russkaia zemlia" i obrazovanie territorii Drevnerusskogo gosudarstva: *Istoriko-geograficheskoe issledovanie*, Moscow, 1951.
- Petrukhin V. Ya., *Rus' v IX–X vekakh. Ot prizvaniia variagov do vybora very*, Moscow, 2013.
- Rogov A. I., Florya B. N., "Formirovanie samosoznaniia drevnerusskoi narodnosti (po pamiatnikam drevnerusskoi pis'mennosti X–XII vekov)", in: *Razvitie etnicheskogo samosoznaniia slavianskikh narodov v epokhu rannego srednevekov'ia*, Moscow, 1982, 96–119.
- Stefanovich P. S., "'Skazanie o prizvanii variagov' ili *Origo gentis russorum?*", in: *Drevneishie gosudarstva Vostochnoi Evropy: Materialy i issledovaniia. 2010 g.: Predposylki i puti obrazovaniia Drevnerusskogo gosudarstva*, Moscow, 2012, 513–582.
- Stefanovich P. S., "The Identity of Rus' in the Imperial and Eschatological Perspective of the Compiler of the 'Initial Chronicle'", in: *Old Russia. The Questions of Middle Ages*, 72, 2, 2018, 48–64.
- Tolstoi N. I., "Etnicheskoe samopoznanie i samosoznanie Nestora Letopitsa, avtora 'Povesti vremennykh let'", in: *Iz istorii russkoi kul'tury*, 1, Moscow, 2000, 441–447.

Vedyushkina I. V., “‘Rus’ i ‘Russkaia zemlia’ v Povesti vremennykh let i letopisnykh stat’iakh vtoroi treti XII – pervoi treti XIII v.”, in: *Drevneishie gosudarstva Vostochnoi Evropy. Materialy i issledovaniia. 1992–1993 gg.*, Moscow, 1995, 101–116.

Wenskus R., *Stammesbildung und Verfassung. Das Werden der frühmittelalterlichen gentes*, Böhlau, Köln, Graz, 1961.

Zhivov V. M., “Ob etnicheskom i religioznom samosoznanii Nestora Letopistsa”, in: Idem, *Razyskaniia v oblasti istorii i predystorii russkoi kul'tury*, Moscow, 2002, 170–186.

Zuckerman C., “Une esquisse de la stratification des premières chroniques russes”, in: *Collectanea Borisoglebica*, 1, Paris, 2009, 183–305.

профессор **Пётр Сергеевич Стефанович**, доктор исторических наук
Научно-исследовательский университет – Высшая школа экономики /
Институт российской истории РАН (Москва, Россия)
117292 Москва, ул. Д. Ульянова 19
Россия/Russia
petr.stefanovich@mail.ru

Received July 30, 2018